

Белые ночи

Июнь. Каникулы. Поезд, он везёт меня с Урала к бабушке и деду — на Север, на Север, где белые ночи. Где станции с ласковыми названиями. Во всяком случае, для меня они полны ласки и близкого счастья: Мантурово, Лежа, Свеча, Вожега, Буй, Шарья, Бурундучиха...

Засыпаю на верхней полке, досыта наглядевшись на полустанки, подёрнутые первой тополиной зеленью, на городки и деревни в брызгах яблоневого цвета. Засыпаю. Предвкушая свободу, велосипед "Школьник" с двумя восьмерками на переднем колесе, катание на лодке с дедом, прыжки с сарая, городки, лапту...

Нет, не засыпаю. Тонкий женский голос выпекает за стенкой купе: «Белы но-о-очи! Ах, белы но-о-ченьки!..»

Поезд заворачивается в туго натянутый небесный покров, а потом вдруг влетает на большую станцию. Пермь. Стоянка пятнадцать минут. Девушки в лёгких платьях стоят в открытых тамбурах, смеются, ветер робко трогает их волосы. Мелькают в сумерках тонкие белые руки.

И снова — «спать, спать, спать...» — уговаривают колёса, но это кажется обидным, нелепым. Как можно спать, когда весь мир поднесен к твоему окну? Как можно отвернуться к стене...

Я из последних сил таращусь в окно, взгляд мой путается в сетях проводов, в частоколе лесов, заборов, шпал... Я всё боюсь что-то пропустить.

Поезд тихо встаёт на разъезде, ожидая встречного. Стог сена, лес вдали... И всё такое затихшее в летнем белесом сумраке, почти скучное. Но вот встречный подходит, тоже встаёт. И там, в одном окне, возникает лицо девочки. Ей тоже лет двенадцать. Мы оказываемся напротив друг друга, нас разделяют только два пыльных стекла. Она спросонья смотрит на меня — без любопытства, как я только что смотрел на стог сена, но и без смущения. Я читаю в её взгляде презрение, но продолжаю отважно смотреть, пугаюсь этой отважности, этой близости.

Она уехала. Её поезд быстро затих вдали. Рассеянно качнулась и снова замерла ночная трава.

Я засыпаю, утомлённый и взволнованный одновременно, и мне снится наш двор, друзья. Как мы бежим по деревянным тротуарам, они качаются, шлёпают под ногами, а мы пробегаем насквозь наш маленький город и выбегаем к реке. Так бабочки и мотыльки пролетают летней ночью сквозь дом, по комнатам — с открытого балкона в спальне в открытое окно на кухне, спасительно минуя погашенные лампы, никчемные в июне. Воздух дрожит (и мы отчего-то дрожим). Зябко. А небо похоже на тонкую кожу листка мать-и-мачехи, его обратной стороны, бархатистой, белесой.

Что-то райское было в том сне. Ведь в раю нет тьмы даже ночью. Там белы ночи.